Автобиография, написанная 15 мая 1969 года для приёмной комиссии

«Приемыхов Валерий Михайлович, родился 26 декабря 1943-го в г. Белогорске Амурской обл. Русский. Член ВЛКСМ с 1958 года. Отец – заместитель директора спичечной фабрики «Искра», мать домогозявия

Окончил среднюю школу в городе Благовещенске Амурской обл. Год работал на производстве: токарем на электроапларатном заводе, каменщиком-штукатуром в СМУ. Параллельно занимался в народной театральной студии при Амурском драм. театре. В 1962 г. поступил в Дальневосточный институт искусств во Владивостоке. В 1966 г. окончил его. Специальность: актер драмы и кино. С специальность: актер драмы и кино. С отого времени работаю в г. Фрунзе актером в Государственном Русском драм. театре им. Н. Крупской. В 1968 призван в ряды Советской Армии. В этом же году

демобилизовался. Сержант запаса. Когда учился в 7 классе средней школы, в газете «Амурский комсомолец» был напечатан мой первый рассказ. Потом долго ничего не писал. В этом же году в газете «Комсомолец Киргизии» напечатан другой мой рассказ. Больше не печатался. С института много пишу для телевидения и радио».

о линии жизни

В ЕРНО ли, что человек предполагает, а Бог располагает? Ну-ну это как посмотреть... Проходит время, и выясняется, что была все-таки какая-то линия, поначалу тебе неизвестная. Я вот тоже одно время думал, что токарями-слесарями всякими зря работал, актерствую — тоже зря? Годы уходят... А потом, понимаешь, вдругоказалось что все, что я про жизнь знаю, в роли-сценарии мои вошло, в рассказы-повести, в фильмах моих все это есть... И оказалось все — не зля

роился, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!». А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...». Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считаться, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты назови меня «кинематографистом широко профиля!» Шукшин таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин - гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут - драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже неинтересно, с каким режиссерскими ходами он дело имел, сказать-то вель невозможно. что это - примитив; он начинал то, что ни до, ни после него уже никто не делал. «Подумаешь, - говорят, - у него кино про провинцию». Да ты хоть десяток картин сделай про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотреть шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например; думал, что уж у менято они - точно заржавели, на них и игратьто невозможно, а оказалось... А это - задача

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне недостает: уверенность! Конечно, какието годы я уже потерял, но пытаюсь относится к этому с юмором. Хотя... Нельзя, конечно, относится с юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нельзя! Вовсе не обязательно выстраивать из всего

мался ужасно: меня мой первый фильм актерский «Жена ушла» сплошным кошмаром стал! Лена Соловей ведь уже звездой была, перед первым съемочным днем с ней себя чувствовал просто жутко! И вдруг — в эпизоде ссоры с женой, которой вообще-то и в сценарии прописан был вяло, Динара Асанова говорит мне: «Да ударь ты ее по лицу!». Я поначалу струсил даже, но зато роль пошла!

ношла!

Но уже страшнее «Пацанов» для меня ничего не было! Да любой артист расскажет, что и как он в очередном дубле изобразит, но перед толпой в полсотни гавриков... Один в носу ковыряет, другому и на тебя, и вообще на всех начхать... Нервы — на пределе! А во взглядах: «Н-н-ну, счас он нам сыгра-а-а-ает!».

Но если по большому счету — в актерской профессии мне везло: и потому, наверное, что я ни перед режиссером, ни перед съемочной группой никогда прав не качал, и потому, что поначалу мне актеры в кадре всегда помогали — мы потом с ними друзьями-приятелями становились...

В калр меня поставила Динара Асанова. Ей я не только актерской судьбой обязан: я у неё выдержке учился, мужеству, благодаря ей я понял, что профессия наша — не наказание, а счастье Но просыпаешься знаменитым не на следующее утро, а после изнурительного бега на очень длинную дистанцию. Когда-то я вообще свою роль в её фильме «Жена ушла» считал лучшей!

А появился я у Динары как сценарист: в свое время мне её фильм «Не болит голова у дятла» страшно понравился. И выходим мы с просмотра с режиссером, который с моим сценарием «Иван и Коломбина» как раз запускался, я говорю: «Баба какая-то, а какое кино сделала! Во как снимать надо...» А он мне: «Старик, у нас же лучше будет!». А потом наш фильм «худшим» объявили...

Я для Динары восемнадцать вариантов «Никудышней» сделал! И когда нам картину в очередной раз закрыли, она за сценарий «Жена ушла» взялась: хотела на главные роли Марину Влади с Высоцким, но они не за-

лодное лето...» говорю. Тяжче всего, конечно, в бане: стоит кому-то из голых опознать в таком же голом крутого Лузгу — пиши пропало и парилке, и трезвому возвращению

CUHEMA

У меня же всегда был жуткий комплекс провинциала! Вот работал я актером в провинциальном театре, вроде нормально все было, но знаешь как трудно было взять и второй раз поступать поехать! Я после четвертого класса ведь больше двух лет в одном классе не учился и у меня до сих пор жуткое чувство «новенького вы классе»: неожиданных компаний не люблю, всегда стараюсь аранее узнать, кто будет... Комплекс мой аже в том выражался, что вот играет, скажем, классическая музыка, а я её не пони-Каково мне? Где мне её познать-то быю: В Сиваках? Или в Шимановске, в котором на весь городок два аккордеона было? Гам еще щиты баскетбольные стояли, а ниго не играл: ребята просто правил не знали. Мы часто переезжали, и иной раз в таких

городах или поселках жили, по улицам которых ночами едва ли не медведи ходили! Отец железнодорожником работал, потом в леспромхозе, мать то работала, то нет... После школы мне отец денег дал, чтобы я в Казанский авиационный поступать поехал — очень он хотел, чтобы я инженером стал! А уменя с тангенсами-котангенсами всегда жуткие отношения были. И стою я на экзамене в Казани, слышу: «... они там на Дальнем Востоке все тупые...» Заело! Остался там токарем работать: у меня же к десятому классу уже разряд токарный был, мне все хотелось самому уметь делать... Да если б я на турнике нее смог подтянуться, со стыда бы сгорел!

У меня про актерство и мыслей никогда нее было: когда справочники для поступающих листал, всегда театрально-актерские всякие мимо. И во Владивостоке мы с другом Володей — он меня из всяких драк пацаных всегда вытаскивал! Поступать поехали на телемехаников учиться. А там в Институт культуры на актерский первый набор объявили: зашли с ним... Я «Зайца во хмелю» ми-

Писатель, актер, режиссер, сценарист. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

ОН МНОГОМУ НАУЧИЛСЯ, КОГДА РАБОТАЛ ДВОРНИКОМ

Из разговоров с Валерием Приемыховым

Вот я на Высшие сценарные курсы набирал, читаю: работал дворником! Дай, думаю, поговорю подробнее. А мне мальчик этот пренебрежительно: «Да эти дворники-водопроводчики... Я сидел думал!» В общежитии вгиковском я в котельной работал, потом дворником в замечательной библиотеке Ушинского возле Третьяковки: в моем же распоряжении шикарные ворота были! И я мальчику этому говорю: ты столько потерял! Тебе с людьми этими знакомиться надо было, узнавать их - может, ты и понял бы чего-то! Я же нормальным московским дворником был! До сих пор все про соль знаю, про машины уборочные... У меня все эти «дворники-водопроводчики» знакомые были, я чуть ли не до сих пор помню, кому и за что бутылку был должен! А он сразу так: водопрово-о-одчики!

«Дебюты» мои, между прочим, никогда не радовали критику. Вот Витя Дёмин, помню — Царствие ему Небесное! — ужасно расст-

этого какой-то храм, но... Не хочу добавлять поражений, которых у меня и так уже

«Иван и Коломбина» — первый фильм по моему сценарию, в конкурсе «Советского экрана» стал «худшим» фильмом в тот год, кроме «лучших», решили определить и «худших»... Это я сейчас на себя тоглашнего смотрю: «Господи, чего дёргался-то!» А тогда... Ведь первый сценарий мой был! Все, казалось, на тебя смотрят и сметотся: «Сценарист худшего фильма Сорестокого Сорость

нарист худшего фильма Советского Союза!» Вообще-то договор заключен был под Виля Липатова — по его повести и заявке сценарий писался, но пахал-то я. Аналогичный случай позднее был с Виктором Амлинским — который тоже, естественно, ничего не делал... С тех пор зарёкся вдвоем писать!

тех пор зарёкся вдвоем писа О ЛИНАРЕ АСАНОВОЙ

Я поначалу, будучи «мальчиком с улицы», находясь с кадре с великими, зажи-

горелись чего-то. Она тогда Лену Соловей зазвала, а героя не было... На пробах Динара меня попросила ей подыграть, а потом со студии звонок: «Вы утверждены на главную роль».

о славе

Между прочим, меня в родном городе не узнают! Нет, ну наверное они и «Пацанов» видели, и «Холодное лето пятьдесят третьего...», но как-то не предполагают, что и я с ними рядом иной раз по грязи в сапогах резиновых шляюсь... Сижу на набережной как-то, ем мороженое... Любовь свою первую вспоминаю... Двое: «Вы?!» — «Ребята — спрашиваю — как вы узнали-то меня? А они

из Хабаровска оказались. А в Москве, бывает, в метро узнают, за пивом если стою... Особенно без очков и с короткой стрижкой; полчаса иной раз человек смотрит: «Где-то я вас видел, извините...». Чтобы долго не тянуть, сразу про «Хо-

халковского прочитал, потом Пушкина, «Прощай, свободная стихия!» — дурачка валял, вот ей Богу! Поступил.

На первом курсе совершенно твердо знал, что артистом не буду, но... Профессия-то тщеславная, заразительная! Это я в Москве себя хоть космонавтом, хоть хреном собачьми назови — никакой на тебя реакции, а там едва стоило сказать, что я из театрального, сразу: О-о-о! Ты знаешь, как мы по городу ходили! Нас же в городе все знали! Вот возвращается во Владик китобойная флотилия! Слава», город гудит неделю! Мы, естественно, в ресторан... Садимся от моряков неподалёку, то-се, знакомимся? «О, артисты! К нам, к нам!».

нам, к нам!».

Мне вот говорят иной раз: «Ну если уж ты так любишь свой Дальний Восток, так его воспеваешь, жил бы там!» А у меня ошущение, что я оттуда и не уезжал! Да если бы все искусство не делалось в столицах, я с превеликим удовольствием жил бы там! я люблю родные места, тайгу люблю... Но вот хочешь заголовок: «Сценарист с Дальнего Востока? Или в этом дуке что-то... Нету такого понятия! Сценаристы могут московские быть, лениградские-питерские, но чтоб «с Даль-

него Востока» сценарист был... О ЛИТЕРАТУРЕ

Вообще-то я всегда хотел писателем быть! Научусь, думал, читать и сам для мамы из буковок буду сказки складывать... Я поступать в Москву поехал в Литинститут. Хотя кино, конечно, ближе казалось: ведь и рассказ мой первый про кино был, про зрителей. Но все говорили: во ВГИКе конкурс! Собеседование! Статья критическая... Я в Литературный отборочный тур прошел, но экзамены начал во ВГИК все-таки сдавать. В Литературный потом в Амлинскому на се-

Я всегда очень много читал. В Куйбышевке-Восточной, которая сейчас опять Белогорском называется, бегу, помню, вечером из школы, и меня счастье переполняет: дома три тома Майн Рида ждут и Жюль Верн! Это нынче меня зависть берет, что Толстой мог по пять строк без ущерба предложению закатывать: когда знаешь, о чем писать, не надо думать, как это делать. А классе в седьмом прочел я «Войну и мир», и ужасно она мне не понравилась!

Я нынешнего Аксенова, например, не люблю: он меня, своего тогдашнего почитателя, обманул; я на «Звездном билете» его, на «Коллегах» вырастал, они мне столько в дни Оттепели сказали, объяснили... Может, я из-за него и за своих героев, за то, к чему они зовут, ответственность ощущаю. Шукщин? Не-е... Я в пятнадцать журнал «Юность» читал и для меня все «деревенские» писатели эти были: «А-а... опять про деревню...».

А года в 23 уже прочел Шукшина и обалел: оказывается и о нас можно рассказыать так же, как о городских, оказывается, им — тоже нормальные! Только у нас — все о-другому; не хуже, может, даже, интересее... Уже тогда в институте учился, все болся Шукшину подойти — избегал даже шаочного знакомства, все ждал момента: Вот сделаю чего-либо стоящее и...» А ведь нного раз бывал рядом!

Дипломный мой сценарий так и не поставлен, хотя в одно время активно пошли в работу сценарии, которые и пять, и десять лет до того отпихивались: у меня в то время енег было на три машины — покупай! Посхали из ВГИКа в туристическую поездку в Ленинград, взял свой сценарий курсовой и нахально приперся на «Ленфильм» — в объединение к Гукасян Фрижетте Гургеновне: это же классика «Ленфильма» живая. Они потом со Светой Пономаренко, моим репактором первым, долго со мной возились — за любую работу брался! Но везение мое началось именно с Динары.

Булгаков, по-моему, совсем не то имел в виду, что вот, мол, сидите и ждите, придут и все далут. «Не прогибайтесь!» — вот что он, по-моему, имел в виду! А к такому жизненному правилу я и сам пришел, не с булгаковской подсказки: как только я прогибался, тут же мордой об стол прикладывали! И не потому, что вот сидишь ты и решаешь, продается вдохновение или не продается; если уж ты берешься за дело, которое тебя заранее нее греет, труднее становится во сто раз хоть что-то сделать — сколько раз пытался!

об опыте

дается вдохновение или не продается; если уж ты берешься за дело, которое тебя заранее нее греет, труднее становится во сто раз коть что-то сделать — сколько раз пытался! Писал заявки какие-то про БАМ, про пароходство... Мука! Правда, сейчас целая толпа киношников активно обрабатывает темы, которые вчера еще запретными были... Я в «Штанах» своих (первый режиссерский фильм Приёмыхова. — Г.С.), историю, конечно, на основе собственного актерского

опыта сочинил, но характер! Он вель там совсем не мой. Был у меня знакомый по театру со смешной фамилией Доставалов - ну. из вечных общественников, председателей месткомовских, секретарей... А я даже звеньевым в пионерлагере не был; пять раз в комсомол вступал - то не брали почему-то, то билет терял... Знаешь, как переживал, когда первый раз не взяли! В армии потерял билет, а меня в увольнительные не пускали. В «Благородном друге», сценарий которого по пути к экрану превратился в фильм «Штаны», мой Доставалов в театре Сталина играл, но тут все подряд стали Иосифа Виссарионовича поливать и я даже упоминание об этом из фильма убрал; на обсуждение кто-то из критиков изрёк, что уж слишком фамилия «говорящая» и я заменил её на фамилию моего дяди – Бацанов... Сценарий-то ведь старый: его Динара делать хотела, Марк Осепьян, Мамилов... Но я всегда подчеркиваю, что мне сценарий этот про актерскую жизнь не удался! По технике, по выполнению самый-самый мой - это «Магия черная и белая!» Я бы в аудиториях. где литературному труду обучают, плакат с предупреждением вывесил: «Только ничего

не выдумывайте». Когда закончил первый институт, я был абсолютно уверен, что знаю о жизни все: что, где и как сказать, как и к чему я отношусь. Сегодня понимаю, что не знаю ничего. Недавно вроде еще знал, в нынче... Иной раз слышу: актер-то Приёмыхов - туда-сюда, он просто личность интересная! Меня на «Пацанов» ни объединение не утверждало, ни студия, ни Роскино: я и пробовался очень плохо, и самой роли боялся... Сценарий ведь закрытым был, его никому не давали делать, а Ермаш – при условии, что главного героя будет Нахапетов играть!, - позволил его ставить только Динаре. Но она уперлась и пробила меня на роль Паши... На просмотре. между прочим, тех, которые возражали, ктото спрашивает: а почему вы уверены были, что он не справится? А он, говорят, играл сверх своих возможностей! Ты мне объясни. ради бога, как это можно делать что-то сверх

собственных возможностей?!

Мне еще в Институте искусств Вера Николаевна Сундукова внушала: никогда не играй больше того, что можешь! И ты будешь великим артистом.

На самом-то деле артист я достаточно хитрый: меня Динара учила импровизировать, и думаю, что был я одним из немногих, которые в ее картинах это умели делать. И не по таланту даже, а потому что я еще и драматург, могу характер изменить, ситуацию, реплики... В принципе, актер я — очень податливый. Но если берусь за роль, то интуитивно пытаюсь сказать в ней что-то важное доля себя, не сказанное мною в драматургии...

В обывательском представлении актер ведь стихами чуть ли не в сортире изъясняется. А меня в Благовещенске как-то чуть нее побили: ты зачем всему миру про нашу козу рассказал?! Какую козу? Оказывается,

я в каком-то интервью сказал, что у нас в театре — «расписали» — коза была. Актеров ведь вообще безумно трудно писать: неуловимая, зыбкая какая-то профессия; Чехову актеры тоже не удавались. Ты вот попробуй, напиши характер: приходит человек на репетицию «Гамлета», допустим, и начинает рассказывать, что дома у него — и абсолютно искренне рассказывает! — коза чего-то грустная, молока мало дает...

о столице

Я до сих пор на родину свою «малую» приезжаю, выхожу из поезда и понимаю, что не просто к родственникам приехал, а туда, где мне хорошо: базар местный, клёны тенистые, бабушки на скамеечках сидят... Обжитое все! Бабушки эти, конечно, сплетницы, но с ним уютно как-то! А на Тверской в Москве: мащины — отдельно, жители — за занавесками где-то отдельно! Разве это жизнь?! Я в Москве и гулять-то никуда не выхожу... А дома или в городке провинциальном — куда на съёмки заехать доводить-

ся, - могу сутками шляться! Что такое сегодня Москва?! Я нее понимаю, куда она хочет: в Европу? В Америку? Определенно только могу сказать, что она аморальна: человеку в криминальном этом мегаполисе плохо, нынче сюла стекается люди самых пёстрых судеб: там им жизнь их казалась неполноценной, потому только в столице стоит жить, только тут - «настоящее!! Я прошел призрачными лабиринтами московских ожиданий и знаю, чего стоят разочарования тех, кто в столице тех, кто в столице все-таки оседает: это - не Москва, воспетая Булгаковым и Окуджавой, состояние луши сегодняшних провинциалов, попадающих в столицу - миграция.

Столица сегодня - это не культурно-географическое уже понятие, это скорее знак близости к власти, к распределению благ. Отсюда и отношение в ней к провинциалам как к чему-то, порядок - замечательный порядок! - нарушающему. А ведь столичная общность из вчеращних провинциалов и организовывалась. Половина которых своего провинциального происхождения стесняются, только в застолье и вспоминая Волгу, Сибирь, Оку своего детства... Я вот тоже раньше думал: Господи, у других ведь — и речка как речка — Волга, скажем — а у нас — Пёра! А в последнее время - как ощущение полного счастья! - и все чаше возникает во мне воспоминание: силим с пацанами на завалинке, разговариваем о чемто... солнышко припекает, март месяц! Речка

Пёра ото льда освобождается... Иностранцы, пытающиеся судить о России по столице только, ни в малой степени её не поймут: по столичному лихо пытаясь сконструировать будущее, реформаторы наши провинцию, по моему, во внимание не принимают. А меня не покидает ощущение, что идеи, в течение многих лет в столичных офисах рождающиеся, погибель свою находят как раз за пределами Садового кольца... И надо быть предельно бессовестными, чтобы не видеть, как «несуществующая» эта провинция кормит «светоч» свободы и мысли - столичные города, как отдает детей свои в армию, на своей шкуре полно и больно испытывая зигзаги столичной политики.

Меня страшно раздражает, когда выступают от правительственного блока и уверяют: Россия не любит умных, провинция косная и противная, — заранее уверенные, что уж они-то — самые умные! Но, как ни странно, «дураки» эти провинциальные всегда очень правильно голосуют, выполняя роль эдакого балласта-успокоителя. Без которого кораблик под названием «РОССИЯ»

Записывал Геннадий СУХИН

Кадр из кинофильма «Холодное лето пятьдесят третьего...»